

18+

Полина Сергеевна Лукьянова

По ту сторону

Полина Лукьянова

По ту сторону

«Издательские решения»

Лукьянова П. С.

По ту сторону / П. С. Лукьянова — «Издательские решения»,

В двенадцать лет диагноз изменил судьбу двух сестёр. Тея стала главой семьи. Мать ушла искать себя. Отец заменил любовь чувством долга. А Лизи решила оправдывать всех — кроме себя. Всё меняется, когда появляется шанс на спасение. Но чтобы получить его, Тее придётся нарушить все правила и сесть в машину к человеку из прошлого — тому, кто однажды уже разбил ей сердце. А Лизи — решить, может ли она любить, не теряя себя. Готовы ли они к тому, что будет по ту сторону?

© Лукьянова П. С.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Глава 1. «Ты что-то скрываешь»	8
Глава 2. «Между двух огней»	11
Глава 3. «Осознание»	14
Глава 4. «Завтрак в постель»	16
Глава 5. «Голос Теи»	18
Глава 6. «Уютное кафе»	20
Глава 7. «Да вы издеваетесь!»	24
Глава 8. «Новый кандидат»	27
Глава 9. «Первый шаг»	30
Глава 10. «Незнакомец»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

По ту сторону

Полина Сергеевна Лукьянова

© Полина Сергеевна Лукьянова, 2026

ISBN 978-5-0071-3497-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

У каждой семьи есть свои скелеты в шкафу. У каждой сестры — свои тайны. А у каждой болезни — своё лицо.

Я долго не решалась написать эту книгу. Слишком личной она получилась. Слишком много в ней боли, которую я пропустила через себя. Но однажды я поняла: об этом нужно говорить.

О том, что жизнь — это хрупкая вещь. О том, что любовь не всегда выглядит как в кино. О том, что простить мать, которая уехала, так же трудно, как признаться в любви человеку, который однажды уже разбил тебе сердце.

В этой книге есть всё, что я люблю в историях: медицинская драма, где каждый день — борьба. Семейная сага, где переплетаются судьбы трёх поколений. Романтика, от которой замирает сердце.

Но главное — здесь **есть выбор**.

Выбор Теи, которая должна решить, готова ли она рискнуть всем ради сестры. Выбор Лизи, которая должна понять, чего она хочет сама, а не чего от неё ждут. И выбор каждого из нас — продолжать бояться или начать жить.

Я написала эту книгу для тех, кто устал ждать. Для тех, кто забыл, что значит мечтать. Для тех, кто потерял себя, но очень хочет найти.

Добро пожаловать в историю, где после самого сильного дождя обязательно выглянет солнце.

Эпиграф

В двенадцать лет диагноз изменил судьбу двух сестёр.

Тея стала главой семьи. Мать сбежала от дочерей ради собственной выгоды. Отец заменил любовь чувством долга. А Лизи, мучаясь чувством вины, решила оправдать всех — кроме себя.

Всё меняется, когда появляется шанс на спасение. Но чтобы получить его, Тее придётся нарушить все правила и сесть в машину к человеку из прошлого. Она не может простить того, кто её оставил. Лизи не может полюбить того, кто её спас. Но обстоятельства сильнее их страхов.

Смогут ли сёстры сделать выбор, который изменит всё? Но готовы ли они к тому, что будет по ту сторону? Ведь это не место. Это выбор.

Роман о теневой стороне, которая создаёт нас. О любви, которая прощает. О боли, которая делает сильнее. И о том, что иногда, чтобы спасти другого, нужно сначала спасти себя.

Пролог

Ранний вечер.

Я не знала, сколько мне осталось. Может, год. Может, месяц. Может, завтра. Врачи разводили руками, а я смотрела на дождь и пыталась запомнить каждую каплю.

Донор — это лотерея, говорили они.

Но я не боялась смерти, просто уже забыла, что такое дышать полной грудью, когда внутри ты чувствуешь свободу.

За окном блестели лужи, по которым бежали домой с работы уставшие прохожие.

«Удивительно, что так красиво», — пронеслось в голове, когда я посмотрела вниз с девятого этажа и увидела разноцветные шапки зонтов, что разбегались по подъездам.

Я вышла с балкона и, держа в руках тёплую кружку с чаем, направилась в комнату к Тее.

Она сидела на широком подоконнике, обложившись подушками, укутанная в плед, и читала книгу. Меня она не заметила. Я остановилась в дверях, наблюдая за ней — томное лицо, склонённое над книгой, свет, падающий на её светлые волосы. Прямо как на картине Чистякова «Джованнина, сидящая на подоконнике».

— Ты чего? — подняла голову Тея, заметив мой взгляд.

— Да так, просто, — улыбнулась я, заходя в комнату.

Мы с ней двойняшки, но совершенно разные. Она — блондинка с прямыми волосами и золотыми глазами, а я — брюнетка. Мои тёмные кудри и зелёные, кошачьи глаза — полная противоположность её внешности.

Раньше мы вместе занимались фигурным катанием, пока у меня не случился первый приступ.

Так сложилось, что в двенадцать лет мне поставили диагноз — сердечная недостаточность. И с этого момента жизнь разделилась на «до» и «после».

Атмосфера в семье сильно пошатнулась. Родители развелись. Мы остались жить с мамой, когда папа переехал в соседний дом и приходил к нам больше по графику, чем по прихоти.

Мама просто стала человеком, который иногда появлялся в нашей квартире. Она, как та разведёнка, которая начала свой путь в поиске себя. И забыла, что у нее есть дети.

И на Тею свалилась роль заботливой мамы, которую та приняла неосознанно. К сожалению, а может, к счастью, она справлялась с ней на отлично. Упёртая, рассудительная, а также очень прямолинейная Тея всегда знала, что станет юристом.

Сейчас она сдавала последние экзамены. Мне же повезло «больше». Когда учителя узнали о моей предстоящей операции, то разрешили сдать все экстерном. Теперь я дипломированный художник. Только мне нафиг не сдался этот диплом. Просто ткнула пальцем в небо.

Мне хочется жить, путешествовать, смотреть на мир и его историю. Но я сижу в квартире, потому что сейчас любые активные действия под запретом.

Глава 1. «Ты что-то скрываешь»

— Лизи, ты слышишь меня? — голос Теи вернул меня в реальность.

— А?

— Я сказала, что дождь кончился, — она улыбнулась и кивнула в окно. — Может, прогуляемся?

— О! — воскликнула я. — Можно заодно и в кафе заглянуть. Я слышала, Паша вчера вернулся. Я так хочу его увидеть, порасспрашивать, как там учёба за границей.

Тея отвела взгляд. Я заметила, как её пальцы на мгновение сжали край пледа.

— Не хочу.

Тея и Паша раньше были лучшими друзьями. Они с самого детства, с тех пор как мы переехали в этот район, строили планы, гуляли, веселились и отлично друг друга понимали. Он мне тоже был близким другом — почти как брат. Но пять лет назад что-то между ними произошло и потом Паша резко изменил свои планы и уехал в университет за границей.

Сестра мне так и не сказала, что случилось. Но за это время они почти не общались. Тея ушла в учебу и игнорировала мои вопросы.

— Ещё раз спрошу, — я подалась вперёд, пытаясь поймать её взгляд. — Что между вами произошло?

— Ничего, — она кинула на меня непринужденный взгляд. — Просто мы давно не виделись, и навряд ли он будет в кафе.

— Я уверена, что будет, — улыбнувшись, я наблюдала за её реакцией. — Это ведь кафе его дяди. Он обязательно там появится. Наверное, уже изучает, что изменилось, и знакомится с новыми сотрудниками.

— Ты про Диму, что ли?

— Ну да, — усмехнулась я. — Он как никак стал его заменой на работе.

Она не ответила, но в её глазах мелькнула тень печали. Мне захотелось стереть это выражение с её лица, и я, не желая оставлять сестру в таком состоянии, ткнула её пальцем в бок.

— Ну а в парк-то пойдём? — с лёгкой улыбкой я посмотрела на неё.

— Пошли, — Тея улыбнулась, и в этот раз это было искренне. — Только дай мне одеться.

— Хорошо, — кивнув, я потянулась за чашкой. — Я как раз чай допью.

— Вот и отлично, — бросила Тея, уже шагая к шкафу.

Я проводила её взглядом и взяла кружку с остывшим чаем. Сделала глоток. Мамин экзотический чай был отвратителен.

Спустя двадцать минут мы вышли на мокрую улицу. Воздух был свежим, прозрачным, после дождя пахло мокрыми листьями и землёй. Тучи рассеивались, и в просветах уже проглядывало солнце.

Джери бежал впереди, гордо подняв голову, и натягивал поводок, будто вёл нас в бой. Он останавливался у каждой лужи, обнюхивал каждый столб и с важным видом кивал, будто проверял, всё ли на месте.

Это наш сторожевой пёс. Сильный, смелый, активный, властный лидер всех собак. Другими словами — мопс.

— Ну и важная пися, — усмехнулась я, глядя, как Джери с гордо поднятой головой трусил на своих маленьких лапках по мокрому тротуару. — Шестнадцать лет, а такой активный. Прямо как в молодости.

— Он у нас главный, — улыбнулась Тея, и я заметила, как её плечи наконец расслабились. Она перестала думать о том, что её тревожило, и просто наслаждалась моментом.

Джери, услышав наш смех, снова обернулся, посмотрел на нас с лёгким осуждением и вновь двинулся вперёд.

Парк встретил нас тишиной. Деревья стояли мокрые, тяжёлые от дождя, но уже начинали подсыхать. Где-то вдалеке играли дети, и их смех разносился по аллеям.

Мы шли по засыпанному листьями тротуару, и я думала о том, как хорошо, что бывают такие дни. Простые. Когда можно просто идти, дышать и никуда не торопиться.

— Ты боишься? — вдруг спросила Тея, рассматривая дорожку под ногами.

— Чего? — удивилась я такому внезапному вопросу.

— Что скоро всё закончится... — она слегка помолчала, собираясь с мыслями. — Я про... операцию.

Я понимала её. Неделю назад встал вопрос о пересадке сердца. Сейчас мне не плохо — нет. Но риск велик. И решение приняли единогласно, только без моего голоса. Я молча кивала, потому что уже устала от больниц, от этих врачей, от этих дрожащих взглядов, которые провожали меня каждый раз, когда узнавали мой диагноз.

— Боюсь, — сухо ответила я, чувствуя, как внутри сжимается что-то холодное. — А как иначе? Но знаешь... я так привыкла к этому страху, что он уже стал частью меня. Он есть — и в то же время его как будто нет, — с лёгкой усмешкой процедила я.

Тея опустила голову ниже, и я услышала, как она пробубнила себе под нос.

— Я тоже боюсь, — потом она подняла голову и испуганными глазами посмотрела на меня. — Прости, я понимаю, что я должна тебя поддерживать и защищать, просто...

Я еле расслышала её слова, но они ударили прямо в сердце. Моя сильная, негибаемая сестра призналась в страхе. Я остановилась и взяла её за руку.

— Тея, не переживай... Крым, Рим прошли. И это пройдем.

Она подняла на меня глаза, и в них мелькнула благодарность.

— Да, ты права! — бодро ответила она, улыбаясь.

Я сделала глубокий вдох и подняла глаза к небу.

«Какие же у тебя планы на меня?» — вопрос, на который я никогда не получу ответа.

Пройдя дальше, я увидела, как к нам навстречу идёт высокий, плечистый, седовласый мужчина лет сорока девяти. Гладкое лицо без бороды и голубые глаза придавали ему мужественности и шарма.

Это был наш дорогой дядя Андрей. Так-то он не родной дядя — просто все его так называют между собой. Этот великий человек открыл десять лет назад свою кофейню, где, собственно, и работал Паша до своего отъезда. Это было, есть и будет нашим любимым местом, где можно выдохнуть, спрятаться или просто наблюдать в окно за красивыми клёнами.

Он шёл не спеша, с лёгкой улыбкой на лице, и даже издалека было видно, как его глаза потеплели, когда он заметил нас.

— Дядя Андрей! — крикнула я, махнув рукой.

Он расплылся в улыбке и подошёл ближе.

— Девочки, какая встреча! — сказав это, он обнял нас по очереди. — Вы гуляете? А я как раз из кафе, решил проветриться.

— Джери выгуливаем, — улыбнулась Тея, кивая вниз.

Дядя Андрей посмотрел на мопса, который с важным видом сидел у наших ног и ждал, когда его заметят.

— О, командир! — он наклонился и потрепал Джери за ухом. — Ну что, всё в порядке на территории?

Песик гавкнул и одобритительно махнул хвостом.

— Смотрю, вы, девочки, время даром не теряете, — улыбнулся он, мягко взглянув на нас. — Ну, молодцы. Ладно, мне надо вернуться, а то там поставка приехала, надо принимать.

— А Паша в кафе? — окликнула я его, когда тот уже развернулся в сторону выхода из парка.

Дядя Андрей усмехнулся и покачал головой.

— Паша дома отсыпается после долгого перелета.

— Что ж, передавайте ему привет, — сказала я, покосившись на Тею.

— Договорились, — махнул он рукой и скрылся за поворотом.

Мы остались стоять на дорожке. Джери сидел у наших ног, терпеливо ожидая, когда мы двинемся дальше.

— Бедняжка, он, наверное, сильно устал, — сказала я, слегка прищурив глаза и покосившись на Тею.

— Бывает, — ответила она сухо.

Я отвернулась, сделав вид, что поправляю поводок Джери, но краем глаза всё ещё следила за сестрой. Она стояла неподвижно, будто пыталась справиться с чем-то, что сжимало её изнутри.

Тея закрыла глаза, глубоко вздохнула и резко сменила тему:

— Уже восемь вечера. Может пойдём, пока не стемнело.

— А что, мама в тазик постучала? — засмеялась я.

— Слышишь, — с улыбкой произнесла Тея, — ты не борзеей, малая. Это в твой тазик надо вечно стучать.

Я засмеялась и потянула Джери в обратную сторону.

— Ладно, пошли, мама как раз должна вернуться, а то не успеем её дома застать, как она снова уедет.

Тея на этот счёт никогда не смеялась. Скорее в её глазах начинало читаться раздражение, граничащее с яростью. Она промолчала.

— Всё, пошли, пошли, а то снова капать начинает, — сказала я, чувствуя, как первые капли дождя противным холодом падают мне на макушку.

Я взяла её под руку, и мы направились в сторону выхода из парка.

Не дожидаясь нашего возвращения, дождь усилился. Капли барабанили по листьям, по асфальту, по нашим головам. Я прибавила шаг, Тея двигалась следом, но я чувствовала, как её пальцы чуть сжимают мою руку, когда мы переходим дорогу.

— Бежим? — спросила я, чувствуя, как холодная вода начинает просачиваться за воротник.

— Бежим!

Мы сорвались с места. Не разбирая дороги, перепрыгивая лужи, смеясь от неожиданности и этой внезапной лёгкости.

Залетев в подъезд, мы тяжело дышали, рассматривая мокрые волосы и трогая красные щеки. Джери, который всю дорогу бежал как угорелый, стараясь поспевать за нами, отряхнулся так, что брызги полетели во все стороны.

— Ну и погодка, — выдохнула я и отстранилась от собаки, которая продолжала свои победные пляски.

Мы поднялись на наш этаж, и я открыла дверь. Внутри было тихо, тепло и пахло чем-то домашним, как нашу идиллию тихого, уютного дома нарушила громкая фраза:

— Девочки, у меня новость!

Это был мамин голос, доносившийся из кухни.

Глава 2. «Между двух огней»

Мы переглянулись с Теей. Я видела, как её лицо на мгновение напряглось, но она старалась не показывать виду, а только продолжила медленно, в развалку раздеваться.

— Да, мам, сейчас придём, — крикнула я ей в ответ, а сама быстро разделась и наблюдала за вальяжными движениями сестры.

— Ты что, настолько не хочешь с ней говорить? — спросила я с усмешкой, облокотившись на стену и скрестив руки на груди.

— Да ну, ты что, — улыбнулась Тея саркастичной улыбкой. — Просто нельзя торопиться в таких важных делах, как раскладывание мокрой одежды.

— Ну да, — сжав губы от смеха, сказала я. — Ладно, пока ты «закончишь свои раздевания», я успею Джерика помыть.

— Не-не-не, давай я помою, а ты иди к ней.

— Тея! Я сама помою, и мы вместе пойдём на кухню.

Она только цокнула языком и закатила глаза — мол, делай что хочешь, моё дело предложить.

Я вздохнула, подхватила Джери под мышку и понесла его в ванну. Мопс не любил мыться от слова совсем — даже звук льющейся из крана воды заставлял его поджимать хвост и жалобно коситься на меня. Как только я поставила его в раковину, он начал скулить так, будто я собиралась его утопить, а не просто помыть лапы, перепачканные после прогулки.

Сполоснув его тёплой водой и намылив лапы, я старалась не обращать внимания на его драматичные вздохи и обиженное сопение. Закончив процедуру, я не успела опустить его на пол, как он пулей выскочил за дверь, оставив за собой мокрые следы и чувство полного превосходства.

«Ну хоть кто-то быстрый в этой семье», — усмехнулась я, вытирая руки.

Выйдя из ванны, я покосилась на Тею, что просто сидела на пуфике, уткнувшись в телефон.

— Давай, всё равно выбора нет. Так или иначе ты будешь ужинать с нами.

— Ой, да всё, пошли, — она встала с пуфика и направилась в сторону кухни. Только на первом шаге обернулась и сказала: — Но знай: это только ради тебя.

Я поспешно встала за ней и подхватила её под руку.

— Ты лучшая! — улыбка скользнула по моим губам.

На кухне было тепло, горел свет, и пахло чем-то пряным — травами, которые мама привозила из своих поездок. Она стояла у плиты, уже накрывая на стол, и лицо её сияло такой радостью, которая всегда казалась мне немного наигранной. Темноволосая, с мягкими вьющимися волосами и тёмно-зелёными глазами, которые сверкали даже в полумраке, она выглядела моложе своих сорока пяти лет. Фигура её была стройной и подтянутой — в её возрасте, с двумя детьми, простительно было бы иметь более широкие формы, но она не позволяла себе расслабляться.

— Мы здесь, мам, — ответила я, входя на кухню. — Что случилось?

Она обернулась, и её глаза сверкнули — предвкушением, надеждой, чем-то таким, от чего у меня внутри все сжалось.

— Садитесь.

Я села за стол. Тея — напротив, скрестив руки на груди, будто ждала чего-то очень неприятного. Мы сидели, всё ещё мокрые, с красными от холода щеками, и ждали, что она скажет. А мама носилась по кухне, накрывая на стол.

Тея молча наблюдала за этой картиной, и только во взгляде читалось одно: «Ну давай, удиви меня».

— Что случилось, мам? — спросила я, не выдержав это метание из стороны в сторону.

— Да, девочки, в общем, тут такая ситуация... — она села, положила руки перед собой и сделала глубокий вдох, собираясь с мыслями.

— Мне предложили на работе кое-куда съездить на пару дней. Ну... точнее, на несколько недель. Так что я подумала: это будет отличным вариантом.

Я почувствовала, как внутри образовался ком. Снова.

И тут за столом послышался громкий смешок.

— Да ну, ты так подумала? Будет отличным вариантом — оставить дочек одних в такой период и поехать отдыхать?

Мама сделала глоток чая и, не успев ответить, Тея продолжила:

— И куда на этот раз? — спросила она. Голос был ровным, но я знала — внутри у неё кипела буря.

Мама на мгновение задержала взгляд на Тее, потом перевела его на меня, будто искала поддержки. Но я молчала. Я просто смотрела в свою кружку и чувствовала, как внутри разливается странная пустота.

— На озеро, — ответила она наконец, и голос её звучал почти виновато, но в нём всё равно пробивалась, ненавистная мне, легкость. — Там сейчас тихо, красиво, воздух — сказка. Мне нужно проветриться, девочки. Понять, чего я хочу.

— Понять, чего ты хочешь? А о нас ты не думаешь?

Мама опустила глаза. Её пальцы сжали кружку чуть крепче.

Я сидела между ними и чувствовала, как этот разговор раскалывает воздух на части.

— Мне нужно выдохнуть. Тем более вам уже по двадцать три года. Вы взрослые!

— Хорошо, — сказала Тея с утрашающе спокойным голосом. — Что тут скажешь? Раз взрослые, можно и не париться, — она сказала это с такой издевкой, что мне самой стало не по себе.

Тишина повисла в воздухе. Мама смотрела на Тею, и я видела, как её лицо меняется: от растерянности к защите, от защиты — к чему-то другому, что я не могла прочесть.

— Ты считаешь, что я эгоистка?

— Ну, эгоист никогда не признает, что он эгоист, — Тея усмехнулась, но в этой усмешке не было веселья.

— Вы же обе такие... такие сильные, — сказала мама со странной обидой в голосе. — А я разваливаюсь на части.

Тея хотела что-то сказать, но я начала первой.

— Мам, — сказала я тихо, — мы не просим тебя быть сильной. Мы просим тебя быть рядом.

Мама посмотрела на меня так, будто ждала, что я её защищу, но я молчала.

— Так я рядом! — твёрдо и уверенно заявила она и с монотонным лицом приступила к ужину.

Наступило неловкое молчание.

Даже Джери, который обычно лежал возле кухонного стола, когда мы садились есть, старался не издавать ни звука — но по его глазам было видно, что он нервничает.

Тея сидела молча, ковыряясь в тарелке вилкой, и о чём-то думала. В итоге она не выдержала.

— Хм, — смешок вырвался у неё из груди. — Короче, понятно. Ты остаёшься при своём, даже когда мы тебе в открытую говорим, что ты кукушка. Да чёрт с тобой!

С агрессией в голосе высказалась Тея, резко встав из-за стола на последней фразе, и просто ушла к себе.

Я сидела молча и не знала, что мне делать. С одной стороны, я прекрасно понимала сестру, но с другой стороны, мне было жаль маму. Она такая потерянная, такая уставшая от всего того, что со мной происходит.

— Мама, — начала я, — ты не злишься на неё. Ведь Тею я могу понять, как и тебя. Да, это тяжело. Но я не хотела... правда не хотела. — Слёзы из глаз хлынули сами собой. — Прости меня, мам.

Она не выдержала моих слов, быстро пододвинулась ко мне, обняла и начала гладить по голове, шепча мне на ухо:

— Девочка моя, ты не виновата, слышишь? Я никогда не винила тебя. И ты не смей винить себя. Я и Тея — мы всё равно бы не понимали друг друга.

Я сидела в маминых объятиях и чувствовала, как она гладит меня по голове, как её дыхание становится неровным. А я — я просто плакала. Тихо, без звука, уткнувшись носом в её плечо. И в этом было столько всего — и обида, и усталость, и странное облегчение от того, что она наконец обнимает меня.

— Я так устала, — прошептала я, и голос мой сорвался. — Я так устала быть той, из-за кого все страдают.

— Ты здесь ни при чём, — сказала она уверенным голосом. — Ты — моя девочка. И если кто и страдает, то только от своей незрелости, — она посмотрела в сторону комнаты Теи. Я подняла голову и посмотрела на неё.

— Ты с Теей не хочешь поговорить?

— Мне достаточно, что ты меня понимаешь. Мы ведь с тобой подруги, — улыбнулась она и встала из-за стола. — Давай я заварю чай, как ты любишь.

— Ага, — согласилась я, но почему-то её слова отозвались во мне глухой, непонятной болью.

Я не могла разобраться в себе. Почему мне стало так больно от её слов? Почему внутри закипает злость? Почему хочется выть, кричать, просто всё бросить и исчезнуть?.. Я не понимала.

Просто смотрела на её спину, на то, как она аккуратно переливает кипяток в кружки, и чувствовала, как внутри нарастает ком.

Она повернулась ко мне с улыбкой и поставила передо мной кружку.

— Держи. С мятой и мёдом, как ты любишь.

Я взяла кружку в руки, чувствуя, как тепло разливается по ладоням.

Я сделала глоток и улыбнулась.

— Спасибо, мам.

Она села напротив, глядя на меня с надеждой, которая, казалось, была её главным оружием. И я почувствовала, как глубоко внутри что-то надломилось.

Я знала, что она уедет. И что я снова останусь одна. Но я хочу просто запомнить этот момент. Запомнить, что я для неё — «подруга». Всего лишь «больная дочь», которую нужно пожалеть, но не понять. Ей важно было, чтобы поняли только её.

— Я пойду к Тее, — сказала я, допивая свой чай.

Она кивнула, и я увидела, как её глаза на мгновение сверкнули. Видимо, обрадовалась, что одна дочь на её стороне. Вот только холодно на этой стороне — до боли.

Я встала, вышла из кухни, оставляя её одну за столом и постучалась в комнату к Тее.

— Тея, — позвала я тихо. — Это я.

Дверь приоткрылась, и я увидела её лицо — уставшее, но уже не такое злое. Она молча отошла в сторону, пропуская меня. Я зашла, и мы сели на пол, прислонившись спинами к кровати. Молча.

Глава 3. «Осознание»

— Ты как? — спросила она.

— Хреново, — сказала я, смотря на свои руки, что лежали на моих коленях. — А ты?

— Злюсь, — честно ответила Тея. — И устала.

Я положила голову ей на плечо и усмехнувшись, пробубнила себе под нос.

— Мама сказала, что сделает мне мой любимый чай.

— А? — ответила она. — С чабрецом и лимоном.

— Нет... С мятой и мёдом.

— Так ты же его ненавидишь? — Тея скривила лицо.

— Да, — сухо ответила я, а потом, сделав паузу, продолжила. — Я больше не буду её поддерживать или оправдывать.

Тея повернулась ко мне и пристально посмотрела мне в глаза.

— Да уж, если она думает, что твой любимый чай — больничный... Я рада, конечно, что ты хочешь выйти из роли жилетки, но...

Она вздохнула и притянула меня к себе.

— Лизи, — начала сестра, — я понимаю, что это больно, но она такая. И мы не сможем этого изменить.

Я отвела взгляд и почувствовала, как к горлу подступает горечь. Слова застревали где-то внутри, не желая выходить наружу. Но я знала — если я промолчу сейчас, то не прощу себе этого.

— Да уж, — усмехнулась я, но внутри хотелось плакать. — Я столько лет живу с ней, а она не знает. Она знает только то, что мне можно, что мне нельзя, что полезно для моего здоровья, что вредно. Но она не знает, что я просто люблю. Ей важно, чтобы я была послушной дочерью, которая всё понимает и не создаёт проблем.

Тея молчала. Я чувствовала, как её рука сжимает мою, как она дышит ровно, глубоко, давая мне время.

— И она сказала, что я — её подруга, — продолжила я, и в голосе моём послышалась горькая усмешка. — Подруга... Как будто она сняла с себя ответственность и переложил её на меня. На ту, кто должна понимать. Прощать. Принимать.

Тея взяла меня за плечи и повернула к себе.

— Слушай меня, — сказала она, и голос её был твёрдым, но мягким. — Ты — не её подруга. Ты — её дочь. Даже если она этого не понимает. Ты не обязана быть её опорой. Ты не обязана жертвовать собой, чтобы ей было легче. Ты — человек, который умеет любить не потому, что должен, а потому что хочет. И если она этого не ценит — это её проблема, а не твоя.

Я смотрела на неё, и внутри меня что-то сдвигалось. Словно тяжёлая плита, которую я носила в груди, начала трескаться. Я не знала, сколько мы ещё сидели в тишине. Но когда я наконец выдохнула, мне стало немного легче.

— Спасибо.

— За что? — переспросила Тея.

— За то, что ты есть. За то, что ты видишь именно меня, а не мой диагноз или просто роль сестры. За то, что именно ты вытаскиваешь меня с самого дна моего отчаяния и ничего не просишь взамен.

— Ну, за такое спасибо не говорят, — ответила она, и в голосе её я услышала лёгкую улыбку. — Ведь это просто нормально.

Так мы просидели еще какое-то время.

— Всё, я больше не могу! — закричала я, чувствуя, как внутри наконец-то появляется энергия. — Хватит тут сидеть и хандрить! Ну и пофиг, что с предками так всё выходит — мы

же есть друг у друга. Так что вставай, давай сделаем что-нибудь. Фильм посмотрим? Или ещё что придумаем?

— О, — подхватила Тея, и в ее голосе возрос интерес. — Может, ту мелодраму, что нашли недавно? Где они всё время бегают друг от друга, а потом встречаются под дождём.

— Супер! — воскликнула я, садясь на кровать и ёрзая на одеяле от предвкушения.

— Кровать мне не помни, кулема, — усмехнулась Тея, ходя по комнате в поисках пульта от телевизора.

— Да ладно тебе, можно я у тебя останусь? — спросила я, уже зная ответ, но всё равно дожидаясь его, как маленького ритуала.

— Конечно, — улыбнулась Тея, и было видно, как ей не хватало наших совместных вечеров вдвоём.

— Ты тогда ищи пока фильм, — скомандовала я, поднимаясь с кровати. — А я за попкорном схожу. И нафиг все эти печали. Надоело!

— Давай-давай, — крикнула она мне вслед. — Только мне солёный, ладно?

— Ага.

Спустя пять минут я вернулась с подносом, где стояли здоровая миска попкорна, которую мы всегда держали дома на такой случай, и стаканы с газировкой.

— Лизи, всё круто, только тебе можно?

— Всё хорошо, она без сахара, — я подмигнула ей, чувствуя себя почти заговорщицей, и плюхнулась на кровать, аккуратно ставя поднос.

Потом я прижала к себе свою любимую мягкую игрушку в виде зайца, которая почему-то была у Теи в комнате.

— А что он тут делает? — спросила я, разглядывая его вышитый носик.

— Я взяла его подшить, — ответила Тея, не оборачиваясь. — А то опять швы разошлись сбоку.

— Правда? Спасибо, сестрёнка, а то я и иголки — это тихий ужас.

— Да знаю я, — улыбнулась Тея, включая наш фильм.

Телевизор загорелся, и первые кадры фильма поплыли по экрану. Остались только мы, хруст попкорна, холодная газировка и этот дурацкий ромком.

Глава 4. «Завтрак в постель»

Утро было тёплым. Я смотрела в окно, где сквозь причудливые облака, похожие на взбитые сливки, пробивались робкие лучи солнца.

Я лежала, закутавшись в одеяло, и думала о том, как бы сделать этот день чуточку лучше, чем обычно, — чтобы продолжить наш вчерашний вечер и не вспоминать о том, что было. Тея, как всегда, уткнулась носом в подушку и продолжала сопеть.

— Что можно придумать? — тихо бубнила я, глядя в потолок. — Может, выехать с Джери в отдалённый парк? Или сходить в боулинг? Нет...

Тут до меня дошло, что романтика и детективы всегда приносила мне бурю эмоций.

— О! — дёрнулась я, садясь на кровать. — Зайду-ка я в кафе, вдруг Паша уже восстановился. И... если получится, то приведу туда Тею.

Я потёрла руки и зловеще улыбнулась.

— Мне же надо узнать, что всё-таки между ними приключилось, — вскинув указательный палец вверх, я шепотом сказала: — Решено!

Поднимаясь с постели, я посмотрела в зеркало у окна, поправила домашнюю пижаму цвета горького шоколада и пригладила взъерошенные волосы после сна. В отражении я была всё той же — только серая бледность на лице напоминала, что со мной что-то не так.

«Ну да ладно, — подумала я, разглядывая своё лицо. — Привычный цвет — больничного оттенка».

Завершив все свои утренние процедуры, я направилась на кухню.

Там уже сидел Джери — он устроился на полу у самого окна, подставив мордочку тёплым солнечным лучам, что струились сквозь стекло.

«Мама ещё спит», — подумала я, подходя к пёсику и почесывая его за ушком. Он только вильнул хвостом, но даже не открыл глаз — слишком уж был поглощён солнечными ваннами. Я улыбнулась, глядя на его безмятежную мордочку, и направилась в сторону холодильника.

Я решила приготовить Тее свежий кофе, поставить на поднос красивую тарелку с блинчиками и принести ей в постель. Она проснётся в хорошем настроении и охотнее захочет пойти со мной «гулять». А точнее — реализовывать план по воссоединению старых друзей. Я усмехнулась своим мыслям, чувствуя, как внутри закипает предвкушение.

Спустя двадцать минут я открывала дверь в спальню, неся небольшой деревянный поднос с едой. Тея всё ещё спала, уткнувшись лицом в подушку, а её нога, торчащая из-под одеяла, немного дёргалась.

— Тея, — прошептала я ей на ухо. — Вставай, солнце встало, птицы поют.

Она почти не отреагировала — только отвернулась и что-то промычала.

— Вставай! У меня тут кое-что вкусенькое есть.

Слегка потягиваясь и приоткрывая один глаз, она увидела, как я стою с подносом, на котором красовался красивый завтрак.

— Это что? Мне? — удивлённым тоном прохрипела она, отходя ото сна.

— Да, давай вставай. Тут тебе и кофе, и блинчики.

— Спасибо, — сказала она, улыбаясь, взяла кружку с кофе и глубоко вдохнула его аромат.

Тея — ещё тот кофеман. Она из тех людей, кто без чашки кофе с утра — всё равно что лев на охоте, ищущий, кого убить.

Я села на край кровати и смотрела, как она делает первый глоток. Её глаза чуть прикрылись, на лице появилось то самое выражение блаженства, которое бывает только у настоящих кофеманов в первую минуту утра.

— Боже, — выдохнула она. — Это то, что нужно.

— Я знаю.

Тея отпила ещё глоток, потом посмотрела на блинчики, взяла один, откусила и одобрительно кивнула.

— Вкусно. Ты, оказывается, умеешь готовить, когда захочешь.

— Я много чего умею, когда захочу, — хитро прищурилась я, промолчав о том, что они магазинные.

— Короче, пей и пойдём.

— Куда? — прожевывая блинчик, пробубнила Тея.

— Я хочу зайти в кафе к дяде Андрею.

— Ты что-то задумала?

— Ты о чём? — я сделала удивлённое лицо. — Я просто предложила. Ну, хочешь — можем и прогуляться, заодно Джери выгуляем. Смотри, какая погода хорошая. А там, может, и зайдём куда-нибудь. Например, в одно кафе, где продают отменные круассаны.

Тея ничего не ответила. Сделав ещё один глоток кофе и откусив блинчик, она глубоко вздохнула.

— Дай хотя бы проснуться.

— Давай, — я поднялась с кровати и направилась к двери. — Я пока пойду собираться. А ты не торопись.

За спиной я услышала только недовольный возглас.

Через полчаса мы стояли в прихожей. Тея натягивала лёгкую куртку, я уже держала поводок Джери, который радостно вилял хвостом, предвкушая прогулку. В его глазах читалось всё то же, что и у меня: «Ну наконец-то!»

— Мы просто прогуляемся, — сказала Тея, застёгивая молнию и искоса поглядывая на меня. — Давай без глупостей.

— А я разве предлагаю что-то другое? — я сделала максимально невинное лицо. — Мы гуляем. Дышим свежим воздухом. Наслаждаемся осенью.

Тея закатила глаза, но я заметила легкую улыбку на ее лице.

Глава 5. «Голос Теи»

Я вышла на улицу и глубоко вдохнула. Рядом шагала Лизи, и я видела, как она наслаждается утром. В воздухе витал запах прошедшего ночного дождя — свежий, чистый, ещё сохранившийся в листве и на асфальте. Птицы у подъезда громко щебетали на все голоса, и я улыбнулась этому звуку.

Лизи вдохнула этот прохладный воздух, и я увидела, как её плечи расправились, а на лице появилась легкая улыбка. Она просто наслаждалась утром — без мыслей, без тревог.

«Как же хорошо», — подумала я, чувствуя, как утренний воздух наполняет лёгкие, а солнечные лучи касаются лица.

Но потом вспомнила, что Лизи не отстанет от меня, особенно сейчас, когда он вернулся. Я ведь не могуечно избегать нашей встречи.

Паша так ошарашил меня тогда, пять лет назад. Ну почему, почему он выбрал именно этот момент? Почему он сказал это тогда, когда я совершенно не была готова?

Я снова и снова прокручивала эти мысли в голове. Что я ему скажу? Как я буду себя вести? Все эти пять лет я погружалась в учёбу, стараясь не думать ни о чем кроме сестры.

Возможно, я сама тогда все испортила и испугала его, но он мужчина, а я всего лишь эмоциональная девушка, которая боится своих чувств.

Ну зачем ты мне признался?! Идиот! Почему нельзя было подгадать время, выбрать момент?

Ладно, можно сколько угодно задавать вопросы и мучить себя сомнениями, но чего хочу я? Я ответила ему, что мы просто друзья, но я ведь сама испугалась! Я думала, он пошутил... решил так меня подбодрить. А он... просто исчез.

Да кто так делает вообще?!

И я ведь даже не могу сказать об этом Лизи. Если она узнает, то начнёт говорить, что я дура, надо было всё сказать сразу, чего я боялась, я же такая смелая и сильная.

А я не такая.

Я просто трусиха. Которая не умеет выражать свои чувства человеку, который был ей дорог почти двадцать лет.

И как мне быть?

Перестать верить, что он просто забудет об этом и всё станет как раньше? Но, если честно, я этого тоже боюсь. Потому что...

Если он все забудет — я потеряю его навсегда. А если не забудет, то... что тогда? Что мне делать с тем, что я так и не сказала ему правду?

Я знаю, что как раньше уже не будет. Но и оставлять всё как есть нельзя.

Да, я была влюблена в него тогда. Но это не значит, что и сейчас также.

Точно! Мне просто нужно с ним увидеться, и я пойму, что всё нормально. Что дружбу ещё можно вернуть. Ведь бывает же так, что друзья путают дружбу с любовью.

Я выдохнула, чувствуя, как внутри меня что-то успокаивается. Я сама себя уговорила. Сама себя убедила, что всё будет хорошо. Что я просто хочу увидеть старого друга, проверить, как он, убедиться, что он в порядке. И всё!

Посмотрев на Лизи, которая уже вовсю что-то рассказывала Джери, я улыбнулась. Она такая милая, когда что-то задумает. Я ведь знаю, что она чувствует фальшь, мою ложь и скрытность. Прости меня, сестрёнка, но у нас должна быть и отдельная личная жизнь.

— Лизи, — улыбнулась я ей. — Если хочешь, давай зайдём в кафе? Что-то так круассанов с кофе захотелось.

Я погладила себя по животу с ехидной улыбкой.

— Правда?

Мы переглянулись и направились в сторону старого кафе.

Я пойду, увижу его, улыбнусь и скажу: «Привет, как дела?» И пойму, что всё это было просто глупой влюблённостью. Что мы просто друзья. Что я всё придумала.

Да. Именно так.

Я глубоко вздохнула, поправила куртку и шагнула вперёд.

Глава 6. «Уютное кафе»

Мы с Теей подошли к нашему любимому кафе. Я остановилась, чтобы рассмотреть его, как делала всегда. Отдельно стоящее здание из красного кирпича с большими окнами в чёрной раме — оно выглядело как современное, но при этом старинное сокровище.

Тея обвела взглядом фасад, и я знала, о чём она думает. Ей всегда нравилось, что дядя Андрей разделил окна на большие квадраты. Она говорила, что это напоминает ей уютное гнёздышко, как у бабушки в деревне. Я помнила, как она рассказывала, что любит сидеть у такого окна зимой, когда за ним идёт лёгкий пушистый снег, а в носу — стойкий аромат свежих булочек и сладкой корицы. Только так она могла ощутить приближение Нового года.

Я тоже любила это кафе, но по-своему. Мне нравилось смотреть на клёны, что росли прямо у окон. Сейчас они были окрашены в ярко-красный цвет с жёлтыми вкраплениями. Возле кафе тротуар был вымощен из серого кирпича, а по бокам шла окантовка бордюром не выше десяти сантиметров. Рядом со входом красовалась вывеска сезонного меню, нарисованная мелом. Я подошла поближе, чтобы рассмотреть рисунок. На доске был изображён ёжик с яблоком на спине — смешной, трогательный.

— Идём, — сказала Тея, потянув меня за руку.

Мы зашли в кафе, и сверху дзинькнул колокольчик. Я зажмурилась на секунду, впуская в себя этот мир. В ноздри ударил аромат крепкого кофе и свежего хлеба.

Я огляделась. Напротив двери, по другую сторону зала, находилась барная стойка со всеми принадлежностями. Справа красовались витрины со свежей выпечкой, а сверху свисали старинные небольшие подвесные светильники.

Увидев наш любимый столик — справа, в углу у большого окна, я обрадовалась, что он свободен.

Мы подошли к барной стойке, у которой стояло несколько деревянных стульев цвета ореха. Дядя Андрей, не заметив нас, всё ещё копошился с выпечкой, раскладывая свежий привоз. Я улыбнулась, глядя на него — он был таким сосредоточенным, что даже не слышал, как мы вошли.

А потом я заметила маленький золотой колокольчик, стоявший рядом с кассой. Рядом с ним красовалась табличка: «Кто звякнет по нему — приседает 20 раз».

Я не удержалась и ударила по колокольчику. Звон разнёсся по кафе. Джери дёрнулся, глядя на нас с немым вопросом.

Дядя Андрей, не поднимая головы, всё ещё копался в выпечке.

— Ну, дорогой, правила ты знаешь. Начинай приседать.

Он поднял голову, чтобы посмотреть на «нарушителя», и увидел нас. Я видела, как его глаза резко изменили выражение — с усталого на мягкий и тёплый. Уголки губ поползли вверх.

— Девочки! — воскликнул он, откладывая лопатку. — Какая встреча! Что будете? Может, как обычно, или есть новые предпочтения?

Я с улыбкой подошла ближе к стойке.

— Привет! Мне как обычно.

Тея подхватила мою интонацию шагнув вперед.

— Привет. И мне тоже, пожалуйста.

— Конечно, дорогие, — он уже снимал перчатки, чтобы подойти к кофемашине. — Присаживайтесь. Сейчас всё вынесу.

Мы сели за наш любимый столик друг напротив друга. Я, почувствовав, как внутри разливается озорное тепло, с нарастающей улыбкой стала смотреть на Тею.

Она не выдержала первой.

— Лизи... Чего ты так на меня смотришь?

Я продолжала улыбаться, даже не думая отводить взгляд.

— Да так... Что-то кое-кого не видно. Наверное, кто-то слегка опечалился.

Тея фыркнула и откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди. Но я видела — она сдерживает улыбку.

— Ты что, прикалываешься? Ты про Пашу, что ли? Я тебя умоляю. Мы знаем его с малолетства. И с чего вдруг мне печалиться?

— Да? Ну ладно... — протянула я, не убирая улыбку. — Наверное, мне показалось.

Я перевела взгляд в окно и стала наблюдать за пейзажем. Клёны колыхались на ветру, где-то вдалеке прошёл человек с собакой. В кафе играла спокойная джазовая версия современных песен.

Я краем глаза посмотрела на Тею. Она тоже отвернулась к окну, но я заметила, как её пальцы слегка постукивают по столу. Нервно. Или нет? Может, просто в такт музыке?

Спустя пару минут дядя Андрей подошёл к нашему столику и поставил две чашки с напитками, а также блюдечко, где красовались несколько круассанов.

— Дядя Андрей, вы нас балуете. Мы такими темпами можем скоро не пройти в проём ваших дверей.

— Девочки, не смешите, — улыбнулся он. — Такие красотишки должны радовать себя вкусностями. Тем более ещё утро, организм только просыпается, а десерты только завезли. Ну грех не попробовать.

— А это тебе, красавчик, — сказал дядя Андрей, поставив перед Джери миску с водой и ещё одну с какими-то вкусняшками.

— Вы как, не против моей компании на некоторое время?

Он присел рядом с нами, на свободный стул, и обвёл нас взглядом, полным тепла. Я почувствовала, как внутри разливается уют — от его улыбки, от его присутствия.

Тея улыбнулась, пододвигая чашку ближе к себе.

— Конечно. Заодно расскажете, как ваши дела, как настроение. Может, что нового произошло?

— Ну, нового, может, и ничего, а может, и чего...

— Например? — подхватила я, почувствовав в его голосе лёгкую хитрецу.

— Например, вчера наблюдал прекрасный салют, — он прищурился и с ехидной улыбкой посмотрел на нас. — Может, это вы развлекались?

Я засмеялась, переглянувшись с Теей.

— Нет, но, кстати, идея хорошая, — я сделала задумчивое лицо, поднося указательный палец к губам.

Тея дёрнула головой, замечая, как я осмысливаю слова про салют, и поняла, что скоро это будем делать и мы. Закрыв глаза, она покачала головой, улыбнулась и повернула голову к дяде Андрею.

— А вы как? — снова спросила Тея, возвращая разговор к нему. — Всё хорошо?

— Да я нормально, девчонки, не переживайте, — он махнул рукой, но в его глазах мелькнула тёплая искра. — Скоро юбилей — пятьдесят лет стукнет. Так что всё планомерно движется по своей колее.

— А точно! — воскликнула я, вспомнив. — Скоро юбилей! И как отмечать будете? Может, устроим праздник?

— Нет, девчат, — он слегка смутился, но улыбнулся. — Мне бы что-то простое, тихое. Я же не гулена двадцатилетний. Рядом близкие люди, спокойная атмосфера — этого достаточно.

— Тоже хорошо, — ответила Тея. — Если не ошибаюсь, двадцать пятого октября. То есть, — она посчитала в уме, кинув взгляд вверх, — уже через три дня, верно?

— Верно, — усмехнулся дядя Андрей и хитро подмигнул. — Хорошая у тебя память, Тея.

Слегка смутившись, она сжала кружку чуть крепче. Но ничего не сказала.

В этот момент дзинькнул колокольчик, и в кафе зашли двое молодых людей. Они направились к свободному столику, тихо переговариваясь.

Дядя Андрей поднялся из-за стола.

— Всё, девчат, мне пора. Работа зовёт.

Он уже сделал шаг в сторону барной стойки, но я успела крикнуть ему вслед:

— Дядя Андрей! Мы ещё вернёмся с поздравлениями! Только предупредите, если будете закрывать кафе в тот день!

Он обернулся, улыбнулся своей тёплой, лукавой улыбкой.

— Да куда я без вас? Буду ждать.

И направился к стойке, где уже стояли те двое парней, разглядывая меню на доске.

Я взяла круассан, отломала кусочек и отправила в рот. Вкус был невероятным — хрустящий, маслянистый, с лёгкой сладостью.

— Вкусно, — сказала я.

— Ага, — кивнула Тея.

Я чувствовала, как она напряжена, хотя внешне казалась спокойной. Только пальцы, постукивающие по столу, выдавали её.

Спустя пару минут, когда мы уже расправились с круассанами, я окликнула ее тихим голосом.

— Слушай, — сказала я почти шепотом, наклоняясь к ней через стол. — Может, устроим вечеринку-сюрприз?

Тея удивилась и подняла бровь.

— Так он же сказал, что не хочет большого праздника.

— Ну да, но это образно! — я начала жестикулировать, пытаясь объяснить. — Устроим сюрприз. Будут только близкие. Сделаем в кафе или у нас дома праздничную атмосферу, украсим всё, поставим свечи, закажем торт. Короче, будет круто. Ты как думаешь?

Тея задумалась и отпила глоток кофе.

— Вообще, в целом можно. Надо с Пашей обсудить. Мало ли у них уже другие планы.

— Да вот бы он сейчас пришёл — сразу бы и обсудили, — с хитрым взглядом начала я, не сводя с неё глаз.

— Ну, когда придёт, тогда и спросим.

— Может, напишешь ему? — предложила я с невинной улыбкой.

— Зачем?

— Чтобы узнать наверняка — придёт он или нет.

— Сама и напиши, — отмахнулась Тея, поднимая кружку. — Я кофе пью и расслабляюсь.

— Хорошо, напишу, — я улыбнулась ее притворству. — Только сейчас отойду в дамскую комнату.

Я встала из-за стола и направилась в глубь кафе, к туалету. Он находился недалеко от барной стойки, за красивой резной занавеской, отделявшей этот уголок от основного зала. Там стояла старинная раковина с тумбой из тёмного дерева, а над ней — красивое зеркало с мягкой подсветкой по краям, которое придавало этому маленькому пространству особый шарм. Слева была дверь в самую уборную, и всё здесь выглядело так же уютно, как и сам зал — с любовью и вниманием к деталям.

Я остановилась у зеркала, заглянула в своё отражение. Волосы слегка растрепались, но я улыбнулась себе, предвкушая будущую встречу.

Достала телефон. Нашла в контактах Пашу. Пальцы сами забегали по экрану.

«Паш, привет! Мы с Теей в кафе. Сидим, пьём кофе, едим круассаны. Дядя Андрей рассказал про юбилей. Мы хотим устроить сюрприз! Ты как? Заглянешь сегодня? Надо обсудить кое-что.»

И... отправлено!

Я посмотрела на себя в зеркало ещё раз и тихо сказала:

— Ну, теперь ждём.

Глава 7. «Да вы издеваетесь!»

Тем временем я осталась сидеть одна за столиком, попивая свой любимый тыквенный латте. Я любила его именно в осеннее время — когда за окном кружатся жёлтые листья, воздух становится прохладным, а внутри кафе особенно уютно.

Сделав ещё один глоток, я задумчиво посмотрела в окно. За стеклом всё так же кружились листья, падая на вымощенную кирпичом дорожку.

«Боже, — подумала я. — Ну почему я так нервничаю? Всё же решила. Увижу его — и всё станет на свои места».

Но его здесь не было. Что ж, может, и к лучшему. Как-никак судьба сама расставляет точки. Может, мы и не увидимся ещё долгое время.

И вдруг я заметила, как по тротуару идёт он. Высокий, тёмноволосый, широкоплечий — я узнала бы его из тысячи. Слегка развязный, с небрежным видом, он уверенной походкой направлялся к двери кафе.

Я почувствовала, как внутри меня всё сжалось.

Паша открыл дверь, и колокольчик мелодично звякнул.

— Привет, дядя! — крикнул он через зал. — Я пришёл!

Он зашёл за барную стойку, они с дядей Андреем коротко перекинулись парой слов, о чём-то своём, рабочем. Паша что-то взял из-под стойки, что-то положил на место.

Я, не заметив своей реакции, медленно начала сползать вниз под стол, чтобы стать как можно незаметнее.

Но Паша поднял голову и увидел меня.

Его лицо озарилось улыбкой. Он сразу же направился к моему столику.

Я не знала, куда себя деть. Одно было ясно — мне не всё равно. Вот он идёт прямо сюда, а я не могу больше смотреть на него как на старого друга детства.

Он подошёл ко мне и остановился напротив. Я подняла на него глаза и почувствовала, как внутри всё оборвалось. Он почти не изменился. Те же тёмные волосы, та же лёгкая улыбка, тот же взгляд, от которого у меня перехватывало дыхание.

— Привет, Тея, — сказал он, и голос его звучал так же мягко, как я помнила. — Ты не изменилась.

— Привет, Паша, — стараясь ответить спокойным тоном, сказала я. — Ты тоже.

— Можно присесть?

Я молча кивнула, наблюдая за ним и чувствовала, как сердце бьётся где-то в глубине. Я не знала, что сказать и не знала, с чего начать. Только смотрела на его руки, на то, как он держит кружку, и вспоминала те пять лет, которые мы не виделись.

— Я очень рад тебя видеть, — произнёс он это максимально непринуждённо.

— Неожиданно, — сказала я, а внутри меня вдруг начало зарождаться неприятное чувство.

— Ну да, — он прикусил губу и на мгновение задержал взгляд на мне. — Мы давно не общались. Я скучал, — он кашлянул в кулак, будто прочищая горло, — по городу. По вам всем.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри закипает странная смесь — растерянность и надежда.

— Раз скучал, почему не писал? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Прости, — он опустил глаза. — Было много дел. учёба, работа... Но я писал.

— Ты писал Лизи, — усмехнулась я. — Скажи, после того вечера ты больше не хочешь меня видеть?

— Нет! — он посмотрел на меня, и его голос стал твёрже. — Ты мой друг. И я очень дорожу тобой. Прости, что исчез. Просто столько всего произошло...

— Ясно.

Смотря ему прямо в глаза, я не могла понять: он шутил тогда или нет?

— Паш, скажи, в тот вечер... — начала я, но не успела договорить.

Из-за стойки раздался голос дяди Андрея:

— Паша! Куда ты положил документы на поставку?

— Да, сейчас! — он встал и улыбнулся мне. — Я быстро. Подождёшь?

Я только улыбнулась и проводила его взглядом.

— Да вы издеваетесь, — прошептала я себе под нос.

Откинувшись на спинку диванчика, я уставилась в потолок. Может, не стоит? Может, оставить всё как есть? Мы можем остаться друзьями. Но это будет нечестно. Стоит ли оно того...

Через несколько минут Паша вышел из подсобки. И двинулся ко мне такой уверенной, лёгкой походкой, что внутри всё сжималось.

«Почему я только сейчас вижу, какой он красивый?» — подумала я.

Наши взгляды встретились. Я уже открыла рот, чтобы сказать всё, как из дамской комнаты вышла Лизи.

— Чёрт, — я отвернулась и выругалась вполголоса. — Вы точно издеваетесь.

— Лизи! Какая встреча! — Паша расплылся в улыбке, и они тепло обнялись.

— Паша, я так рада тебя видеть! — воскликнула Лизи. — Как ты? Получил моё сообщение?

— Да, прочитал. Но я всё равно уже шёл сюда.

— Понятно, — она потянула его за наш столик. — Ну рассказывай! Как дела? Как учёба? Какие планы?

— Лизи, давай помедленнее, — рассмеялся он. — Всё хорошо. Там действительно классно. Природа, люди, менталитет. Я там уже как свой.

— Это здорово, — сказала Лизи, но я заметила, как она покосилась на меня.

Я только улыбалась, пытаюсь сдержать бурю эмоций внутри себя.

Лизи, кажется, поняла всё без слов.

— Ой, Паш, слушай, у меня тут одно дело, — сказала она, поднимаясь. — Я отойду, а вы пока пообщайтесь.

Она хотела уйти, но Паша взял её за руку.

— Подожди. Я хочу вам кое-что сказать.

Лизи снова села, и я увидела, как она насторожилась.

— Что-то случилось? — спросила она.

Я сидела, хлопая глазами, не понимая, что происходит.

— Девочки, — Паша положил руки на стол и сомкнул пальцы. — Я скорее всего снова уеду.

— Опять? — воскликнула Лизи.

— Да, — он помолчал. — Мне предложили там работу и жилье.

Я распахнула глаза от шока. Слова застряли в горле.

— Ты уверен? — тихо спросила Лизи.

— Думаю, да.

— Что ж... — Лизи попыталась улыбнуться. — Я понимаю. Новый мир, возможности... Это здорово.

Но я видела — в её глазах читалось разочарование.

— И когда? — спросила я, переводя дыхание.

— Через пару месяцев примерно, — спокойно ответил он. — Улажу дела здесь, как раз отметим день рождения дяди, а потом улечу.

— Ясно, — ответила я, но не могла выдать из себя радости.

— Но ведь ты пока здесь, — улыбнулась Лизи, поймав новую волну оптимизма. — Мало ли, может, еще что-то поменяется.

— А ты Тея? — сказал Паша, переведя взгляд на меня.

— Что я?

— Как ты относишься к тому, что я могу уехать?

— Супер! — воскликнула я хотя мой голос сорвался на писк. — Поздравляю! Это отличная возможность.

— Тея, — Паша потянулся к моей руке, но я отдернула её, сделав вид, что не заметила.

— Я только рада буду, что ты строишь свою жизнь, — я снова улыбнулась, но уже с оскалом. — А я, как друг всегда тебя поддержу.

После своих слов я опустил голову и мои глаза забегали в поисках того, чего я не знала.

Вдруг Лизи резко встала, что аж чашки с недопитым кофе пошатнулись. А Джери, под ногами, резко дернулся от испуга.

— Паша, прости, нам уже пора. Давай обсудим всё остальное позже.

Она кинула прощальную улыбку, схватила меня за руку и, не говоря ни слова, потянула к выходу, взяв под мышку пса. Я не успела ничего сказать — только чувствовала, как её пальцы сжимают моё запястье.

Глава 8. «Новый кандидат»

Выйдя из дамской комнаты, я не ожидала увидеть Пашу так скоро.

— Лизи! Какая встреча! — Паша расплылся в улыбке, и они тепло обнялись.

— Паша, я так рада тебя видеть! — воскликнула я, чувствуя, как внутри поднимается радость. — Как ты? Получил моё сообщение?

— Да, прочитал. Но я всё равно уже шёл сюда.

— Понятно, — я потянула его за наш столик.

Мы присели за стол, и когда Паша объявил о своём решении уехать снова, я не могла не замечать состояния Теи. Она была напряжена — то ли злилась, то ли разочаровалась. В её взгляде читалась борьба, которую она пыталась скрыть.

Я видела, как она сжимает край стола, как её глаза мечутся в разные стороны, как она с трудом выдавливает из себя слова.

И я точно не могла дать ей всё испортить. Она была на грани, что ещё пара минут — и она сорвётся. Скажет то, о чём потом пожалеет. Или сделает всё только хуже.

Я придумала предлог, встала, схватила Тею за руку и, не говоря ни слова, вытащила её из кафе.

Мы вышли на улицу, и холодный осенний воздух ударил в лицо. Я отпустила руку Теи, но она продолжала стоять, не двигаясь, глядя в одну точку. Её дыхание было неровным, а плечи напряжены.

— Ты что творишь? — с раздражением в голосе сказала я, дёрнув её за руку и поворачивая к себе.

— Я?

— Да, ты! — грозно прошипела я. — Ты хочешь всё испортить?

— Да о чём ты? — она откинула мою руку и повернулась в сторону парка. — Он сам решил уехать. И теперь навсегда, — она сделала паузу. — Всё, глава закрыта.

Я молча снова схватила её за руку, и мы пошли в парк. Джери, не понимая нашего напряжения, игриво гонял листву по мокрому тротуару, радуясь свободе.

Тея сначала брыкалась, пыталась вырваться, но, поняв, что это бесполезно, смирилась и молча пошла следом.

Мы зашли в парк, и я наконец отпустила её руку. Тея остановилась, но не смотрела на меня. Она смотрела на старый каток, на пустые обветшалые трибуны, на старый дуб, который стоял там столько лет, сколько мы себя помним.

— Ты думаешь, я не понимаю, что ты чувствуешь? — сказала я, и голос мой звучал мягче, чем я хотела.

— Ты не понимаешь, — ответила она глухим голосом. — Ты не знаешь, каково это — любить человека, который играет с твоими чувствами, а потом просто исчезает.

— Ты его любишь? — ошарашенно посмотрела я на неё, но внутри я уже знала ответ.

— Лизи, — покосилась на меня Тея, — пять лет назад, когда мы были одни в день смерти его родителей, он сказал, что любит меня.

— А ты?

— Я растерялась, — она опустила голову. — Я не знала, что сказать. Думала, он пошутил. Типа, люблю, но как друга. Ну, я и сказала: «Да, мы же друзья».

— Что? — с недоумением переспросила я.

— А что? — стиснула зубы Тея. — Я испугалась. Это было неожиданно. Так ещё в такой момент.

— Ясно, — отведя взгляд в сторону, я потёрла пальцами свой подбородок. — Всё встаёт на свои места! Ты ему отказала, он решил уехать, а сейчас вернулся, понимая, что не может без тебя.

— Ага, — усмехнулась Тея. — Только резко передумал и решил уехать. Какая ирония.

— Ты себя видела? — я схватила её за плечо и повернула к себе. — Ты холодная, как лёд. Вот он и решил, что дружба — это потолок.

— Лизи, ты не знаешь, о чём говоришь!

— Знаю, — сказала я, и она повернулась ко мне с удивлением.

— Что?

— Я знаю, каково это, — повторила я. — Может, я и не переживала такого, как ты, но я знаю, что такое бояться сказать правду.

Она смотрела на меня, и я видела, как её лицо меняется.

— Но, если ты не скажешь, — продолжила я, — ты будешь жалеть об этом всю свою жизнь.

Тея молчала. Ветер шевелил её волосы, и я видела, как она пытается взять себя в руки.

— А какой смысл? — пожала она плечами. — Это всё равно ничего не изменит. Он уезжает.

— Подожди! — остановила я её. — Может, он не хочет уезжать. Может, он из-за тебя решил уехать!

— Ты что, любовных романов перечитала? — грозно спросила она. — Это реальная жизнь, и в ней нет места сказкам.

— Зачем ты так?

— Прости, — Тея подошла ко мне и взяла за руку. — Просто я не хочу питать глупые надежды и разрываться на части. — Она вдохнула морозный воздух и отвела взгляд. — Это его решение. Значит, всё, что было пять лет назад, оказалось глупым недоразумением.

— Нет! — я повысила голос. — Если ты не видишь всей картины, то я вижу. Человек не может так смотреть на просто друга детства.

— Хватит, Лиз! — она покачала головой. — Я всё понимаю, не надо, ладно? Ну так бывает — пути расходятся. Смирись и живи дальше. Это же не твоя история.

— Моя! — воскликнула я. — Ты — моя сестра, а он — мой давний друг. И я не могу просто смотреть, как вы сдаётесь.

— Да делай что хочешь, — бросила Тея и двинулась в сторону дома, даже не обернувшись. — Я умываю руки.

Я только посмотрела ей вслед, чувствуя, как внутри меня закипает смесь обиды и решимости. Я не могла всё так оставить. Это неправильно!

Стоя на тротуаре, я смотрела, как её фигура удаляется, и внутри меня росло твёрдое чувство: я сделаю всё, чтобы она не упустила свой шанс. А потом... она скажет мне спасибо.

Я развернулась и пошла в парк, шурша листьями под ногами. Джери рылся в мокрой земле, а я просто смотрела на него, пытаясь придумать хоть что-то.

Мимо прошла парочка. Девушка горячо что-то доказывала парню:

— Да ты не понимаешь! Я не упущу этот шанс!

— Какой ещё шанс? — буркнул он.

— Ты что, ревнуешь?

Услышав это, я замедлила шаг.

«Ревнуешь...» — пронеслось в моей голове.

Слово повисло в воздухе, и я почувствовала, как внутри что-то щёлкает. Вот оно. Ревность. Если Паша увидит, что кто-то ухаживает за Теей, то он не выдержит.

Я знала его достаточно хорошо, чтобы понимать: он собственник. Он не позволит другому мужчине даже приблизиться к ней.

Улыбка медленно расплылась по моему лицу.

И у меня есть такой на примете.

Высокий, светловолосый, с лёгкой небрежной улыбкой. Он работал с дядей Андреем с момента отъезда Паши и всегда смотрел на Тею с интересом.

Он был идеальным кандидатом. Не слишком навязчивый, но достаточно заметный. Если он появится на дне рождения и проявит к Тее внимание снова, Паша не сможет скрыть свои чувства.

— Нет, ну как дети, ей-богу!

Подхватив Джери на руки, и направилась домой. День рождения дяди Андрея — вот где всё решится.

Глава 9. «Первый шаг»

Наступило утро. На часах было 7:15. За окном ещё висела серая осенняя дымка, и первые лучи солнца только начинали пробиваться сквозь тяжёлые облака, окрашивая их в бледно-розовый. Я сонно приподнялась с кровати, провела рукой по спутанным волосам и, ещё не до конца проснувшись, побрела на кухню.

На удивление, мама уже сидела за столом — в халате, с чашкой чая в руках, и что-то сосредоточенно листала в телефоне. Свет от экрана падал на её лицо, делая его чуть бледнее обычного.

— О, доча, доброе утро, хочешь чаю?

— Нет, спасибо, мам, — ответила я, подходя к столешнице и чувствуя, как холодная поверхность касается моих ладоней. — Доброе утро. А ты чего так рано встала?

— Так я ведь уезжаю сегодня. Разве не говорила?

Услышав её ответ, я слегка облокотилась на столешницу.

— Нет, не говорила.

— А, да, ой, прости, видимо забыла. Разговор вышел у нас так себе, вот и не сказала.

— Ну, понятно, — сказала я, открывая холодильник и всматриваясь в его содержимое, будто там мог найтись ответ на все вопросы, которые я боялась задать. Я не хотела встречаться с ней взглядом, потому что знала — как только я это сделаю, он будет искать во мне союзника, которым я быть больше точно не хотела.

Я достала йогурт, закрыла дверцу холодильника и только тогда медленно повернулась к ней.

— Ты когда уезжаешь? — спросила я спокойным голосом, как будто речь шла о погоде.

— Через час.

— Ясно, — сделав глоток йогурта и чувствуя, как холодный вкус заполняет рот, усмехнулась я.

— Буду звонить, — с легкостью ответила она, будто напоминая, что ей не все равно.

— Ага — на выдохе произнесла я.

Облокотившись на холодильник, я просто смотрела, как она, без зазрения совести, продолжает делать вид, что всё в порядке, и просто листает ленту в телефоне.

— А Тея знает, что ты сегодня уезжаешь? — спросила я спустя какое-то время.

— Я думала, знает, но раз забыла вам сказать, то, наверное, нет, — не отрывая взгляд от телефона, пробубнила она себе под нос.

— И ты просто уедешь? — в моем голосе слышалась издевка.

Она наконец подняла на меня глаза, и я увидела в них лёгкую растерянность. Потом перевела взгляд на телефон, снова на меня.

— Ну... она же не спрашивала, — сказала мама, пожав плечами, и этот жест был таким привычным, что внутри меня закипело что-то зловещее. — И потом, я же не навсегда. Позвоню, как буду на месте.

— Вау, — не сдержав шока, высказалась я, сама удивившись своей реакции.

— Лизи, ты чего?

— Да как сказать... — я медленно подошла к столу и опустилась на стул напротив неё, поставив йогурт перед собой. Пластиковая баночка глухо стукнула о деревянную поверхность.

Первый раз мне захотелось остаться и защитить себя и сестру, а не просто промолчать, улыбнуться и сбежать.

— Мама, ты правда думаешь, что реакция Теи — это злость или месть в твой адрес?

Я смотрела на неё и чувствовала, как слова выходят из меня с такой лёгкостью, будто я ждала этого момента всю жизнь.

— Во-первых, я уезжаю на несколько дней, — начала она, медленно опуская чашку чая на блюдце. — А во-вторых, что с тобой происходит? Ты какая-то странная. Мы же всё обсудили, ты меня поддержала. Я не понимаю, в чём дело?

Она смотрела на меня с искренним недоумением, и в этом взгляде было столько привычной лёгкости, будто она и правда не понимала, о чём я говорю. Будто я была ребёнком, который внезапно закатил истерику без причины.

— Мама, ты сама себя поддержала, называя меня своей подружкой.

Голос дрогнул. Я смотрела на неё и видела, как её лицо меняется — сначала удивление, потом лёгкое раздражение, а потом она сделала то, что делала всегда: перевела всё в шутку.

— Доча, ты делаешь из мухи слона.

Вот оно. Она просто, как всегда, посмеялась и дала понять, что я якобы ничего не понимаю.

Я подняла руку и потёрла глаза — так сильно, будто хотела стереть не только усталость, но и весь этот разговор, всю эту пустоту, которая осела внутри.

В горле стоял ком, который никак не проходил. Я сделала глубокий вдох — медленный, шумный, как будто втягивала в себя воздух со всего света, чтобы заполнить ту пустоту, что образовалась в груди.

— Ладно, мам, не хочешь слышать — не важно. Я сама скажу Тее, что ты уезжаешь. Доброго пути.

Я встала из-за стола, взяла свой йогурт и направилась в сторону комнаты Теи. Мама даже не смотрела мне вслед — только встала и начала заниматься своими делами, будто меня на этой кухне и не было.

Прежде чем зайти к сестре, я свернула в ванную. Там, закрыв дверь на замок, я облокотилась на неё спиной и медленно спустилась на колени, чувствуя, как холодный кафель прожигает кожу даже сквозь пижамные штаны.

Я в шоке. Она просто сделала вид, что ничего не произошло. Она смахнула меня как надоедливую муху, мешающую её утреннему покою.

Меня трясло. Внутри всё кипело — от обиды, от злости, от непонимания.

Слёзы текли по щекам, по подбородку, капали на футболку, оставляя тёмные пятна. Я не пыталась их остановить. Мне было всё равно. Впервые за долгое время я позволила себе увидеть правду. Не стала снова удобной, а просто сказала, как есть — и получила пощёчину.

Я сидела так, пока не почувствовала, что внутри становится чуть тише. Слёзы высыхали, дыхание выравнивалось. И тогда я поднялась, подошла к зеркалу, посмотрела на своё отражение — красные глаза, опухшие веки, мокрые щёки.

И сказала себе:

— Ты справишься. Ты не обязана её понимать. Ты обязана только делать то, что не разрушает тебя изнутри.

Я зашла в душ, открыла кран и стояла под струёй воды, пока голова полностью не остынет от боли и этих мыслей.

Спустя полчаса я вышла из душа, и пар, клубившийся в ванной, медленно потянулся за мной в коридор, оседая на холодных стенах. Я чувствовала, как вода стекает с волос, как влажная футболка прилипает к телу, но внутри уже не было той острой боли — только глухая, тягучая усталость.

Я заметила, что дверь в комнату Теи приоткрыта. Из неё лился мягкий, ещё утренний свет, но самой Теи внутри не было.

«Странно, — подумала я, на мгновение задержавшись у двери. — Она так рано не встаёт».

Я направилась на кухню, и мои шаги глухо отдавались в тишине квартиры.

Тея сидела за столом одна, обхватив кружку с остывшим чаем, и смотрела в одну точку. Её плечи были опущены, волосы небрежно собраны в неаккуратный пучок. Она выглядела так, будто сидела здесь уже давно — может, с того самого момента, как я закрылась в ванной.

Мамы уже не было. Только её кружка — чистая, вымытая, поставленная на сушку — стояла на своём месте, одиноко поблескивая в свете утренних лучей солнца.

— Ты чего так рано? — спросила я, заходя на кухню.

— О, доброе утро, — с улыбкой встретила меня сестра. — Я встала пораньше. Чтобы собраться.

Она чуть помолчала, задержала взгляд на моём лице, будто что-то взвешивала.

— Я слышала ваш разговор.

— Она уже уехала? — спросила я, присаживаясь за стол напротив Теи.

— Ещё нет, она у себя собирается.

— Ясно, — коротко ответила я.

Тея смотрела на меня, молча, выжидающе. Она ждала, когда я скажу что-то еще, поделюсь тем, что произошло между мной и мамой за этим столом. Но я молчала. Потому что я не знала, как объяснить то, что сама едва понимала.

— Ты как? — спросила она наконец, и голос её был мягким, почти шёпотом.

— Не знаю, — честно ответила я, разглядывая свои руки на столе. — Наверное... впервые за долгое время я сказала ей правду. Только от этого стало больнее.

Тея кивнула, и я увидела в её глазах понимание.

— Тебе было страшно?

— Страшно, — ответила я, поднимая на неё глаза. — Но и... легко одновременно. Будто я наконец перестала нести груз, который никогда не был моим.

Тея протянула руку и накрыла мою ладонь своей. Её пальцы были тёплыми от чего на душе мне становилось спокойнее.

— Что будем делать? — спросила я, правда не понимая, что делать дальше.

— Ну, сейчас я думаю, она выйдет, скажет свою речь типа «я буду звонить» и т.д., мы попрощаемся, и она уедет. А дальше я уеду в универ. Хочешь потом прогуляться? — с улыбкой ответила Тея.

— Нет, у меня есть дела, но может ты мне сделаешь завтрак? — предложила я с искоркой в глазах.

— Ради тебя всё что угодно, — усмехнулась Тея, вставая из-за стола и направляясь к холодильнику.

— Давай скрембл, который ты делаешь, как я люблю. Он такой вкусный, сейчас самое время для него.

— Хорошо, — усмехнулась Тея и принялась раскладывать продукты на столешнице.

Я откинулась на спинку стула и смотрела, как Тея уверенно двигается по кухне. Она достала яйца, взбила их венчиком, добавила молоко — всё делала быстро, без лишних движений. Я вдруг поймала себя на мысли, что в этом простом утреннем ритуале есть что-то успокаивающее. Запах яиц, шипение масла на сковороде, свет, падающий из окна, и сестра, которая улыбается, помешивая лопаткой.

— Ты смотришь на меня так, будто я что-то не то делаю, — сказала она, не оборачиваясь.

— Нет, — ответила я, с улыбкой на губах. — Просто люблюсь.

— Ха, — она усмехнулась и уголки её губ дрогнули. — Только не вздумай привыкать.

— А я уже привыкла, — тихо сказала я. Тея замерла на секунду, но ничего не ответила.

Потом она разложила скрембл по тарелкам, добавила зелень и поставила передо мной. Я молча взяла вилку, посмотрела в глаза сестры и послала ей воздушный поцелуй.

Тея не ответила, но улыбнулась. Присев за стол, она молча начала завтракать.

— Вкусно, — сказала я, и это было правдой.

— Спасибо, — ответила Тея, дожёывая свой кусок.

Глава 10. «Незнакомец»

Мы закончили завтракать и просто сидели за столом, попивая свой чай и о чём-то нейтральном говорили. Как вдруг раздался звонок в дверь.

— О, Никита приехал, — донёлся мамин голос из её спальни. — Девочки, откройте, я сейчас.

Мы с ней переглянулись недоуменными взглядами. Тея наклонилась слегка ко мне и спросила вполголоса:

— Какой Никита? Ты его знаешь?

Я только помотала головой и встала из-за стола, направляясь в прихожую.

Подойдя к двери, я почувствовала, как внутри поднимается лёгкая тревога — не страх, а что-то похожее на предчувствие. Я на мгновение задержала руку на холодной ручке, перевела дыхание и повернула замок. Дверь со щелчком открылась.

На пороге стоял мужчина. Высокий, чуть выше среднего роста, с тёмными, слегка вьющимися волосами и лёгкой небритостью, которая делала его лицо только привлекательнее. Он был одет просто — светлая рубашка с закатанными рукавами, джинсы, лёгкая куртка. Всё в нём казалось продуманным, но без лишней вычурности. Он улыбнулся — открыто, тепло, без той наигранной вежливости, которая обычно бывает у незнакомцев.

— Привет, — сказал он, и голос у него оказался низким, приятным. — Ты, наверное, Лизи? Я Никита, друг Натальи.

Я смотрела на него несколько секунд, пытаюсь сопоставить его образ с тем, что я знала о маминой жизни.

— Да, — сказала я, делая шаг назад и открывая дверь шире. — Проходите. Мама сейчас выйдет.

Он переступил порог, и я заметила, как он оглянулся по сторонам — не любопытно, а скорее с уважением, как человек, который не хочет вторгаться в чужое пространство.

Из коридора вышла Тея. Она остановилась чуть поодаль, скрестив руки на груди, и смотрела на Никиту со сдержанной настороженностью.

— Это Тея, моя сестра, — представила её я, чувствуя, как атмосфера становится чуть плотнее.

Никита повернулся к ней и улыбнулся — той же тёплой, открытой улыбкой.

— Очень приятно. Наталья много о вас рассказывала.

Тея приподняла бровь, но ничего не сказала. Только чуть заметно кивнула.

В этот момент из спальни вышла мама — уже одетая, с чемоданом в руке.

— О, ты уже здесь! — сказала она, и её голос стал мягче, почти как у девочки-подростка. — Я сейчас, только возьму сумку.

Никита шагнул вперёд и легко подхватил чемодан из её рук.

— Разрешите, — сказал он, и это было сделано так естественно, будто он всегда был рядом.

Мама улыбнулась ему, и я увидела, как на мгновение её лицо стало моложе, легче. А потом она обернулась к нам.

— Ну, девочки, я позвоню.

Я повернулась к маме так, чтобы Никита не видел моего лица, и тихо спросила, незаметно показывая взглядом в его сторону:

— Мама, а это кто?

Тишина повисла в коридоре. Мама замерла на мгновение, и я видела, как она переводит взгляд с меня на Никиту, будто взвешивая что-то внутри себя. Она не ответила мне. Вместо

этого она, развернувшись, подошла к незнакомцу и взяла его за руку. Её пальцы мягко сомкнулись на его ладони.

— А точно, девочки, знакомьтесь, — сказала она с игривым восторгом. — Это Никита, мой приятель. Мы с ним поедem к озеру.

Никита расплылся в спокойной, уверенной улыбке.

А я стояла и смотрела на их переплетённые пальцы, на то, как мама смотрит на него.

— Понятно, — сказала я, пытаюсь сохранить непринужденный вид.

Тея стояла молча, в стороне, и смотрела на эту сцену, как зритель в зрительном зале — отстранённо, внимательно, не вмешиваясь.

Мама тем временем уже взяла свою сумочку и направилась к двери. Но на пороге она обернулась.

— Всё, девочки, мы поехали. Я буду звонить, не скучайте. Квартира в вашем распоряжении.

Махнув рукой, она захлопнула дверь.

Я стояла в прихожей и смотрела на пустой проём. Тишина заполнила квартиру — густая, как осенний туман.

— И что это было? — спросила я в пустоту, и мой голос гулко отразился от стен прихожей, будто я стояла одна в пустом доме.

— Ну, ещё один мамин «приятель», — раздался голос Теи из глубины коридора. — А чего ты так удивляешься?

— Да просто... — я запнулась, чувствуя, как слова застревают в горле. — Я раньше и не замечала, какая мама отстранённая. Что она не посвящает нас в свои дела. И даже не рассказала, что у неё кто-то есть.

Какая-то тихая обида, которую я не могла объяснить медленно накрывала меня с головой.

— Так это нормально для неё, — сказала Тея, с тихой мудростью во взгляде.

— Но я не замечала... — опустив взгляд в пол, я разглядывала трещинку на плитке.

— Девочка моя, — Тея сделала драматичную паузу будто смакуя этот момент, — поздравляю. У тебя слетели розовые очки.

— Хм... — усмехнулась я, чувствуя, как внутри смешиваются горечь и облегчение.

— Ладно, уже 8:30, мне пора собираться, — развернувшись в сторону своей комнаты, кинула она через плечо.

Я молча пошла за ней не желая оставаться в этой тишине.

Мы зашли в комнату. Тея скинула тапочки и начала собирать сумку — привычные движения, которые она делала сотни раз. Подошла к зеркалу, поправила волосы, достала помаду и начала красить губы. Всё это было таким обычным, таким нормальным, что на мгновение мне показалось — ничего не произошло. Мы просто живём свою жизнь.

Пока сестра ходила по комнате в поисках ключей, я вышла на балкон. Воздух был холодным, влажным — после ночного дождя он казался особенно чистым. Опираясь на перила, я сделала глубокий вдох, чувствуя, как прохлада касается лёгких.

Когда я опустила голову, передо мной открылась «романтическая картина».

— Тея! — крикнула я, не оборачиваясь. — Подойди!

— Что? — Она подошла, и я слышала её шаги за спиной.

— Смотри!

Тея встала рядом, оперлась на перила и посмотрела вниз.

У подъезда, стоял серебристый джип — чистый, блестящий, ещё не успевший покрыться утренней пылью. Возле него стоял Никита. Он открывал перед мамой дверцу, придерживая её рукой, пока она садилась.

Мама подняла голову на мгновение — и мне показалось, что она смотрит прямо на нас. Я замерла. Но она просто поправила волосы и скрылась в салоне.

Никита закрыл дверцу, обошёл машину, сел за руль. Двигатель заурчал, фары вспыхнули, и джип плавно тронулся с места.

— Красивая машина, — сказала Тея без какой-либо нотки грусти в голосе.

Я не знала, что ответить, и просто смотрела на соседний дом. Тот самый, где жил наш папа. Его окна смотрели прямо на нас, и я вдруг заметила, что в одном из них зажёгся свет. Ранний для такого утра. Он встал. Или ещё не ложился. Я не знала.

Это были окна его кабинета — широкие, с тёмной рамой, выходящие прямо на наш балкон. Часто можно было увидеть, как он сидит за столом и что-то печатает или говорит по телефону. Он всегда был занят.

Папа работает в строительстве, и у него вечно куча работы. Проекты, совещания, встречи — казалось, он никогда не отдыхает. Но даже в самые загруженные дни он находил время, чтобы посмотреть в нашу сторону и махнуть рукой.

Мы постояли на балконе ещё немного, глядя на пустую улицу. Осенний ветер становился всё холоднее, и я почувствовала, как по коже побежали мурашки.

— Холодно, — сказала Тея, потирая плечи. — Пойдём обратно.

— Пошли, — кивнув ей, мы зашли обратно в тёплую квартиру.

Наблюдая за Теей, я нашла в себе новое чувство. Это было странное, но тёплое ощущение — смесь заботы, радости и тихого воодушевления. Мысль о том, что у Теи и Паши всё может наладиться, давала мне надежду. Даже если сейчас они оба упрямятся, даже если она не хочет ничего слышать, а он уезжает — я чувствовала, что это ещё не конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.